

Скоробогатский В.В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 90-106. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_90

УДК 351/354:316

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_90

Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Поступила в редакцию 14.10.2022, поступила после рецензирования 14.11.2022, принята к публикации 19.12.2022

Одной из актуальных задач развития российского социума является модернизация системы государственного управления, приведение государственного устройства в соответствие с требованиями, которые предъявляет новая социальная реальность – переход от индустриального к информационному обществу. Особенность исторической ситуации, характерной для российского общества, заключается в том, что оно стоит перед двуединой задачей перехода, во-первых, на следующую ступень цивилизационного развития, во-вторых, от авторитаризма к демократии. При этом происходящее на локально-историческом уровне образует своего рода контекст, напрямую влияющий на результаты движения в русле общеисторического (глобального) процесса, опосредствует масштаб и глубину цивилизационного сдвига. Контекст, обуславливающий возможные пределы такого сдвига, – состояние базовых институтов общества, в первую очередь политических. В статье показано, что административно-бюрократическая модель государственного управления, внедряемая в России на протяжении двух десятилетий, в последние годы переживает цифровую трансформацию. Основным направлением цифровизации является сфера услуг, которые государство оказывает гражданам, организациям и бизнесу. Отмечается, что применение современных технологий не приводит к повышению эффективности государственного управления, а его низкое качество становится основным фактором, препятствующим экономическому росту и формированию человеческого капитала. На основе проведенного исследования делается вывод, что причина низкого качества государственного управления и противоречивых следствий его цифровизации заключается в том, что по основным своим характеристикам российское общество остается советским. Пережитая на рубеже 1990–2000-х гг.

© Скоробогатский В.В., 2023

архаизация социальных, экономических и политических институтов в русле политического курса на отказ от рыночных и демократических реформ создала ситуацию институциональной ловушки, в которой находится российское общество сегодня и которая препятствует эффективному использованию технологий нового поколения.

Ключевые слова: цифровизация, модернизация государственного управления, мета-методологическая платформа в социальной науке, архаизация базовых институтов общества, советское как культурно-исторический тип, корпоративное устройство общества, институциональные ловушки

Digital Transformation of Public Administration: Institutional Limits of the Possible

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Ural Institute of Management – Branch of RANEPa

Yekaterinburg, Russia

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Received 14.10.2022, revised 14.11.2022, accepted 19.12.2022

Abstract. One of the topical tasks of the development of Russian society is the modernization of the public administration system, bringing the state structure in accordance with the requirements of a new social reality – the transition from an industrial to an information society. The peculiarity of the historical situation characteristic of Russian society is that it faces a twofold task of transition, firstly, to the next stage of civilizational development, and, secondly, from authoritarianism to democracy. At the same time, what is happening at the local-historical level forms a kind of context that directly affects the results of the movement in the mainstream of the general historical (global) process, mediates the scale and depth of the civilizational shift. The context that determines the possible limits of such a shift is the state of the basic institutions of society, primarily political ones. The article shows that the administrative and bureaucratic model of public administration, being implemented in Russia for two decades, has been undergoing a digital transformation in recent years. The main direction of digitalization is the sphere of services that the state provides to citizens, organizations, and businesses. It is noted that the usage of modern technologies does not lead to an increase in the efficiency of public administration, and its low quality becomes the main factor hindering economic growth and the formation of human capital. As a result of the study, it is concluded that the reason for the low quality of public administration and the contradictory consequences of its digitalization is that, in terms of its main characteristics, Russian society remains Soviet. The archaization of social, economic and political institutions experienced at the turn of the 1990s – 2000s in line with the political course of abandoning market and democratic reforms has created a situation of an institutional trap in which Russian society is today and which prevents the effective usage of new generation technologies.

Keywords: digitalization, modernization of public administration, meta-methodological platform in social science, archaization of basic institutions of society, the Soviet as a cultural and historical type, corporate structure of society, institutional traps

For citation: Skorobogatskiy V.V. Digital Transformation of Public Administration: Institutional Limits of the Possible, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 90-106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_90

Введение

Идея цифровизации в России получила сегодня тотальное значение. Она рассматривается как путь к модернизации («догнать и перегнать!») не только экономики, но и сферы социальной коммуникации, культуры, образования, здравоохранения и, наконец, государственного управления (Александров 2020: 16-17)¹. Иначе говоря, эта идея приобрела всеобъемлющий характер и применяется в различных областях общественной жизни без учета того, имеются ли для ее осуществления необходимые и достаточные условия, в первую очередь институциональные, а не только технические, финансовые и кадровые. Цифровизация стала своеобразной палочкой-выручалочкой, магическим средством, с помощью которого будто бы можно найти выход из тупиков и неопределенностей нынешнего состояния, добиться чудесного преобразования действительности. У этой практики есть знаменитый предшественник – Сталин, который в переломных ситуациях активно и с успехом использовал фетиш под названием «новая, высшая техника»². Как показал исторический опыт, фантастический реализм был течением не только в русской литературе (Гоголь, Достоевский, Булгаков), но и в политике. Парадоксально, но при всей нелюбви российских правящих кругов к «коллективному Западу» во главе с США, они охотно используют технократические подходы, которые рождены на Западе и использование которых в немалой степени обуславливает его (Запада) экономические и социальные достижения. Впрочем, еще Х. Ортега-и-Гассет отметил, что «восстание масс» сопровождается американизацией их мировоззрения, когда дух (или демон) техники отодвигает на второй или третий план культуру с ее ценностями и вызывает одичание современной жизни, которое О. Шпенглер рискнул назвать цивилизацией (Ортега-и-Гассет 1997: 52-54, 86, 88-89).

При такой постановке вопроса в сторону отодвигаются не только институциональные, но и политические факторы и подходы к осуществлению намечаемых инноваций. Причем в последние два десятилетия дистанцирование от публичной политики является вполне осознанной установкой, если угодно, своеобразным политическим курсом, в русле которого программы модернизации строятся на замене политических технологий иными, идеологически нейтральными. Точнее, допускающими то или иное их

¹ См. также: Добролюбова Е.И. 2021. Качество государственного управления сквозь призму международных рейтингов и оценок российских экспертов // Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. 28.09.2021. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/4735-v-akademii-obsudili-prioritetnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сталин И.В. 1938. История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс. Москва : Правда. С. 274-276.

идеологическое наполнение в зависимости от внешней и/или внутренней конъюнктуры. И кажется, что цифровые технологии представляют собой идеальный материал для подобных операций. Но не постигнет ли цифровизацию судьба других начинаний, брошенных на полдороге, как это случилось с рядом предшествующих проектов долгосрочного масштаба? Ни идея укрепления вертикали власти, ни национальный план противодействия коррупции так и не стали стратегическими программами государственной политики. Сыграв на первых порах роль манифеста, открывающего эпоху нового правления, они вскоре подверглись рутинизации и превратились в совокупность ежегодно составляемых планов и отчетов.

Методология исследования

В данной ситуации приобретает актуальность вопрос о потенциале и границах технологических инноваций, о соотношении технологий, с одной стороны, политики, экономики, культуры и социальности, взятых и вместе, как единое целое (общество), и по отдельности, с другой. Но постановка такого вопроса выводит нас за границы собственно методологии, поскольку затрагивает область более широкую, чем проблема выбора и обоснования того или иного метода или подхода. Речь здесь идет о фундаментальных вещах, а именно о давно назревшей смене метаметодологической платформы в отечественной социальной науке. Под такой платформой мы понимаем доминирующий в научном сообществе и практике социальных исследований дискурс, основания и корни доминирующего положения которого выходят за пределы собственно науки и погружены в область ее институциональной инфраструктуры.

Привычные ссылки на переходный характер российского социума, которые звучат на протяжении вот уже трех десятков лет, с одной стороны, избавляют нас от теоретико-методологических головоломок, неизбежных при попытках серьезных инноваций в этой области, а с другой – являются наглядным свидетельством стагнации в области методологии социальной науки. С нашей точки зрения, она обусловлена сохранением и явным или неявным использованием революционно-диалектического дискурса – того теоретического языка науки, который сложился под воздействием марксистско-ленинской идеологии в институциональной среде советского общества и получил закрепление в культуре. Формально провозглашенный отказ от марксизма-ленинизма не привел к автоматическому обновлению методологических ориентиров и инструментов научного исследования, для этого требуется рефлексия над основаниями метода. Последняя же предполагает погружение в область институциональной инфраструктуры, выявление ее характеристик и определение того воздействия, которое базовые институты оказывают на семантику и словарь теоретического языка социальной науки.

Иными словами, смене метаметодологической платформы предшествует деидеологизация науки – процедура, осуществляемая посредством не политических, организационных и финансовых акций

(люстрация кадров, изменение номенклатуры научных учреждений и их организационно-правовых форм, поддержка одних направлений и программ исследований и запрет других), а собственно научных инструментов. Сам характер методологической рефлексии, ее направленность на институциональную инфраструктуру социальной науки «подсказывают», что искомой заменой революционно-диалектического дискурса может стать неoinституционализм, сопряженный с рядом концептуальных подходов, сложившихся в современной науке в середине – второй половине XX в. Среди них можно выделить системный, социально-эволюционный, социокультурный подходы, кибернетику, синергетику, конструирование реальности и т.п. Мы полагаем, что неoinституционализм задает методологическую перспективу, в соответствии с которой на базе указанных концептуальных подходов осуществляется формирование новой метаметодологической платформы социальной науки, ее современного теоретического языка.

В каком обществе мы живем?

В нашем исследовании мы будем исходить из предположения, что сохранение и использование в социальной науке теоретического языка, принадлежащего, казалось бы, давно преодоленному прошлому, обусловлено не только инерционными явлениями в корпоративной культуре научного сообщества. Подобного рода инерция, порождаемая воздействием «культуры партийности» (Гордон 2009), конечно, играет определенную роль. Но в большей степени она обуславливается воспроизводством того институционального строя, который сложился в обществе советского периода и продолжает свое существование в структурах нашей повседневности. Рассматриваемый в данном ракурсе вопрос, почему технологии, реально действующие и эффективные в одних условиях, в других, напротив, могут стать инструментами утопического (идеологического) конструирования реальности и способствуют симуляции перемен, для своего решения предполагает ответ на вопрос: в каком обществе мы живем?

Возможно, причины утраты интереса к недавно еще актуальным заданиям, начиная с политических и экономических реформ 1990-х гг., заключаются в том, что попытки их осуществления в скором времени поставили реформаторов перед необходимостью серьезных перемен как в государственном устройстве, так и в управлении. Опыт преобразований, проводившихся в стране в последние три десятилетия, показал, что дело не в их принципиальной неосуществимости ввиду так называемой неготовности общества к переменам. Главным препятствием на пути реформ оказались сами элиты, точнее, их стремление при всех возможных сценариях развития сохранить статус-кво, сложившийся на первом этапе преобразований. Как только обнаружилось, что системным следствием реформ при их последовательном продолжении может стать социальная трансформация, которая коренным образом изменит структуры господства и подчинения, социальную и политическую иерархию, порядок доступа социальных групп к ключевым ресурсам, элиты утратили политическую волю к «либеральной»

(демократической и рыночной) перспективе. Достижение и сохранение социальной стабильности создают возможность продолжения политики социального неравенства, которая закрепляет доминирование сложившихся в 1990-е гг. в российском обществе элит. Административно-бюрократическая модель устройства государства и системы государственного управления при этом остается важнейшим инструментом поддержания достигнутого статус-кво. Сама же установка на сохранение стабильности имеет большую значимость в глазах правящих групп, нежели ее социальная цена ее долгосрочного осуществления – неизбежно снижающийся уровень (качество) государственной и гражданской жизни.

Неопределенность будущего, ближайшего и отдаленного, вытекающие отсюда риски и прямые угрозы для их доминирующего положения и исключительного права доступа к властным и финансово-экономическим ресурсам – таковы, на наш взгляд, основные причины, которые обусловили и обусловливают инициированный элитами отказ общества от перемен. Отказ негласный, но ставший очевидным после дефолта 1998 г., который завершил период политических и экономических реформ 90-х гг., способствовал досрочной отставке президента Б.Н. Ельцина и стал в национальном сознании памятной зарубкой – символическим знаком крушения демократического проекта в том его виде, в каком он сложился в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в русле идейного завершения и отрицания политического курса перестройки.

Отказ от демократического выбора и наступившее безвременье, своего рода историческая пауза, взятая элитами при молчаливом согласии уставших от тягот бессистемного реформирования широких масс, – все это не означало ни бездействия элит, ни отсутствия политического курса и социальной динамики. С нашей точки зрения, применительно к первому десятилетию XXI в. можно говорить о стратегическом повороте, содержанием которого стала архаизация базовых институтов общества, или социальная деградация как технология выживания социума в ситуации, где перед ним напрямую встает экзистенциальный вопрос: «быть или не быть?» (Кара-Мурза 1995: 13). В исторических ситуациях, для которых характерна социальная динамика стагнирующего типа, одним из выходов становится реконструкция, возрождение архаических институтов, опирающихся на традицию, на исторический опыт прошлого и потому обладающих повышенной устойчивостью по отношению к внутренним вызовам, отступлениям от институционального порядка. При этом ссылки на традицию могут быть уловкой, маскирующей под видом традиции такие новообразования, которые обеспечивают, во-первых, стабилизацию дезорганизованных и распадающихся социальных и межличностных отношений в социуме на более низком (упрощенном) уровне организации, во-вторых, способствуют закреплению доминирующего положения правящих элит.

Подобного рода стратегии институциональных изменений имеют сходство с некоторыми формами биологического прогресса, описанными в работах А.Н. Северцова, в частности, с дегенерацией (Северцов 1967: 86, 91).

Но если с точки зрения биологии различные варианты эволюционного развития являются функционально равноценными, то с точки зрения исторического процесса осознанная политика деградации имеет иной смысл. Дж. Агамбен отмечал, что еще со времен Платона и Аристотеля в поле зрения политической науки попало различие между двумя способами существования индивида в обществе – *zoé*, или природная жизнь человека как социального животного («голая жизнь»), и *bios*, или жизнь человека как культурного существа, согласованная с идеей (общего) блага. Пространством *zoé* является *oikos* («дом»), а пространством *bios – polis* («город») (Агамбен 2011: 7-8). Рассматриваемая в этом ракурсе стратегия архаизации институтов порождает тенденцию вынужденного «выхода» человека из политики, замыкания в узком кругу задач физического выживания, приводит к снижению уже достигнутого уровня прав и свобод человека, к возрастанию социального неравенства и, что немаловажно для государства, к ослаблению его позиций на международной арене, к возможному ограничению национального суверенитета.

Наступление эпохи «нового варварства» сопровождается форсированным распространением экстрактивных институтов, которые поддерживают право преимущественного присвоения общественного богатства доминирующими социальными группами. При этом экономический рост может сочетаться с замедлением или даже с отсутствием реального развития – явление, которое представляет собой меньшее зло, нежели снижение уровня социальной стабильности, которое становится неизбежным следствием повышенной динамики, ее негативным (для доминирующих групп) эффектом. Опора на подобные институты в экономике и политике связана с сознательным выбором элит (Стародубровская 2019: 175).

Ценой отказа от инноваций становятся экономическая отсталость, укрепление авторитарных тенденций в политике и культурная деградация. Такковы условия достижения стабильности, восстановления институционального порядка в ситуации осознанного отказа от перемен. Достигаемое здесь состояние устойчивого неэффективного равновесия – институциональная ловушка (Полтерович 2007: 89) исторического масштаба; состояние, при котором взятая элитами пауза, казавшаяся временным тактическим маневром, становится историческим антрактом – более или менее длительным периодом безвременья. Основным содержанием этого периода выступает выборочная реставрация базовых институтов советского, дополняемая их поверхностной модернизацией. Завышенные установки, провозглашаемые, но не реализуемые задачи модернизационного характера служат главным образом целям маскировки архаизации.

Пожалуй, решающим условием успешной маскировки действительных тенденций является то обстоятельство, что природа советского в значительной степени остается «пробелом» в общественном сознании и особенно в массовом сознании, для которого с началом перестройки был характерен переход от позитивного восприятия социалистической действительности к негативным ее оценкам (Юрчак 2014: 42-44), а когда советское стало прошлым, произошел обратный поворот к его идеализации. Несмотря на

высокую частоту словоупотребления, советское, по сути, используется как термин с расплывчатым значением, поскольку имеет служебное значение, указывая либо на хронологические (1917–1991 гг.), либо на идеологические («социализм – капитализм»), либо на «национально-местные» (относящиеся к СССР) черты изучаемого явления (Скоробогачкая, Скоробогачкий 2020: 33-35). Так, в словосочетании «советский человек» советское выступает в роли прилагательного, которое может означать в зависимости от контекста и первое, и второе, и третье.

С нашей точки зрения, советское, несмотря на свою грамматическую форму, – имя существительное: это понятие, характеризующее определенный культурно-исторический тип. Как тип культуры, советское надстраивается над экономическими, политическими и социальными структурами общества, составляет их системное качество, то есть особого рода сверхчувственную реальность, и придает этому обществу форму целого. В данном отношении советское всегда «больше» совокупности составляющих его частей. Одной из особенностей этого типа культуры является конечная ориентация не на ценности и стоящее за ними высшее начало (Бог, Абсолют, мировой Закон), но на сверхценность – власть-потестарность, в поле воздействия которой совершается оборачивание смыслового содержания традиционных (классических) ценностей, сохраняющих свое место и в гражданском обиходе, в повседневности, и в новой культуре. Власть-потестарность является субстанцией, внутренней движущей силой советского в его социальном выражении, а само советское может рассматриваться как бытие-к-власти (Скоробогачкий 2021: 68). В силу этого установка на доминирование (как предварительное условие решения любых задач, от общегосударственных до частных и бытовых) составляет характерную особенность поведения социальных акторов различного вида и масштаба.

Потестарность в мире советского представляет собой власть архаического вида, характеризующуюся «рыхлой», элементарной структурой и слабой дифференциацией функций, тяготея к господству, основанному на насилии и принуждении. Она распределяется по горизонтали и по вертикали социальной организации и обуславливает не только связь между ее частями, но и своеобразное переплетение частного и публичного, общественного и государственного. «Общество» и «государство» – не две относительно самостоятельные «сущности», они сосуществуют по принципу «два в одном». Это функциональные проекции, функциональные системы советского как целого¹. Первая из них («общество») характеризуется институциональной незавершенностью, не «дорастая» до гражданского состояния, конституируемого разветвленной сетью самодеятельных организаций различного вида. Вторая же («государство») отмечена функциональной недостаточностью, которая проступает в неспособности «государства» соответствовать ключевым определениям (в первую очередь «социальное» и «правовое») современного государства. Возможно, дело

¹ Механизм системной дифференциации целого подробно рассматривался отечественными исследователями (Южаков 2011: 135-155).

еще и в открытом, осознанном нежелании представляющей его правящей корпорации вносить принципиальные изменения в существующее социальное и государственное устройство.

Если власть-потестарность составляет внутреннюю основу существования советского, то формой его существования является социальная организация корпоративного типа. Корпоративное начало пронизывает советское сверху донизу, чем обуславливается известная организационно-институциональная однородность социального пространства, в границах которого протекает государственная и общественная жизнь. Мир советского составлен из корпоративных образований, социальных групп и организаций различного масштаба и функционального назначения. Они соединяются в целое посредством вертикальной иерархии, венчаемой на самом вершине правящей корпорацией и символическим образом вождя-перводвигателя. Место той или иной социальной группы или организации (рядовой корпорации) в данной структуре, определяемое мерой доступа к публичной власти, опосредствует степень причастности группы (организации) и составляющих ее индивидов к распределению значимых ресурсов – социальных, экономических, финансовых, культурных (Кордонский 2010: 38-41) – и, соответственно, «раздаток», долю, «причитающуюся» этой группе (Бессонова 2006).

Возникновение советского в начале XX столетия было ответом русской истории на вызовы индустриализации и социальной и политической модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Сам же акт возникновения советского и его последующую историю можно рассматривать как «местную», российскую версию общеевропейской модернизации, ее «обочинный», запаздывающий во времени, «догоняющий» вариант, протекающий в режиме притяжения/отталкивания. Эволюция советского и его историческая судьба в целом определялись и определяются его пластичностью, способностью мимикрировать в соответствии с вызовами внешней и внутренней среды, сохраняя относительно неизменным внутренний институциональный строй. Симуляция перемен, возможность приспособить институты и корпоративную организацию общества/государства к требованиям текущего момента, реактивная отзывчивость к действию сиюминутных факторов – таковы ограничения, дальше которых не может идти никакая реформа, никакая модернизация советского.

Институциональные пределы цифровой трансформации государственного управления

С известными основаниями можно утверждать, что современное российское общество (общество в широком смысле слова, включающем и институты государственности) остается в своих основных чертах советским. Подход к советскому как культурно-историческому типу позволяет утверждать, что его существование определялось и определяется (вопреки идущему, кстати, из советского времени представлению) не экономическим базисом или, беря шире, так называемыми объективными условиями и

факторами – социальными, экономическими, политическими и иными. Последние определяют конфигурацию, характер и конкретные формы исторической динамики советского, его историческое «лицо» на том или ином этапе развития. В основе же существования и видоизменения советского лежит нечто более глубокое – культура, которая представлена в бытии общества не только совокупностью ценностей (идеологических принципов) и художественных раритетов, но также системой формальных и главным образом неформальных институтов, сформировавшихся на протяжении многих десятилетий дооктябрьской и послеоктябрьской истории советского.

Эта система имела разветвленный, многоуровневый, всеохватывающий характер институционального порядка, «скелета» – внутренней формы, которая задавала параметры функционирования общества и контролировала их исполнение, стимулируя исполнительных и послушных и наказывая несогласных или нерасторопных. Система институтов дополнялась социальным хабитусом, под которым понимается массив жизненных практик, совокупный опыт существования человека в мире советского, включая техники выживания в критических, кризисных ситуациях как его, опыта, квинтэссенцию, как специфическую разновидность социального и человеческого капитала. Структурным «атомом» советского, его элементарным носителем стал новый культурно-антропологический тип – советский человек (Скоробогачкий 2014: 239-240).

Поэтому многоэтапная социальная трансформация (Заславская 2004), включающая перестройку, экономические и политические реформы 1990-х, административные и политические реформы 2000-х и последующих годов, оказалась не чем иным, как чередой попыток обновления советского в соответствии с реалиями постиндустриального (информационного) общества, с новым технологическим укладом «Индустрия 4.0» (Шваб, Дэвис 2018). С нашей точки зрения, цифровая трансформация становится очередным ресурсом обновления советского в текущих условиях перехода к новому технологическому укладу, подобно тому, как прежде в этой роли поочередно выступали электрификация (1920-е гг.), сталинская индустриализация (1930-е гг.), автоматизация производства и управления (1950-е гг.), химизация (1960–1970-е гг.) и другие кампании, по своему характеру одновременно и технологические, и идеологические.

Имманентная связь технологии и идеологии, которая находит практическое воплощение в утопическом конструировании реальности, – одна из сторон советского, благодаря которой оно обладает способностью к мимикрии, к внешнему, поверхностному заимствованию изменений, происходящих в окружающем мире. Глубина и основательность таких заимствований принципиально ограничиваются уровнем вещей и технологий. Допускаются изменения таких параметров функционирования общества как целого, при которых сохраняется его корпоративная организация и доминирующее положение правящих элит с их исключительным правом доступа к власти и ключевым ресурсам.

Ограниченный характер заимствований в значительной степени сужает пространство культурного диалога российского общества с другими

обществами и культурами. Исключенными из диалога-взаимодействия оказываются во многом мир идей и мир ценностей. Идеологическим «фильтром-цензором» в данном случае выступает доставшийся в наследство от советского дискурса, теоретический и культурный одновременно. Важной особенностью теоретического языка советского марксизма было то, что он формировался на основе языка классического марксизма, с той или иной степенью адекватности воспроизводившего социальную реальность середины XIX в., господствовавшие в науке того времени подходы и взгляды, а также коллективные представления, характерные для мироощущения маргинальных слоев населения, аутсайдеров индустриальной революции. Консервация этих подходов и представлений в семантике советского дискурса, идеологического по своей сути, породила определенный фильтр, осуществлявший цензуру новых идей. Критерием отбора нового в науке, экономике и политике была его способность закреплять глубинные основы существующего институционального порядка, в первую очередь корпоративную организацию общественной жизни. Эти функциональные характеристики советского дискурса нашли свое продолжение в метаязыке современной социальной науки, в политических установках и приоритетах властвующих групп и в технологиях идеологического конструирования картины мира и общественного мнения системой образования и средствами массовой информации.

Социально-политический механизм, который обеспечивает сохранение корпоративного строя общества и существующей иерархии в мире советского, – государство. Для построения такого государства правящие элиты в течение вот уже двух десятилетий используют административно-бюрократическую модель, но без особого успеха, поскольку эффективность данной модели предполагает выполнение основополагающего требования: правят законы, а не лица или группы лиц. Для государственного устройства в современной России это требование в принципе невыполнимо в силу того, что фундаментальной, базовой характеристикой российской государственности, как мы указывали выше, является корпоративность. Это ключевой элемент внутренней среды мира советского, который представляет собой своеобразную призму, преломляющую внешние влияния и распределяющую их «следы» во внутреннем пространстве системы. Он определяет характер заимствований – *что* именно заимствуется, в *каких* областях, для *каких* целей. Не менее важно, что он определяет также и способ интерпретации заимствованного, включая его переосмысление и переделку под потребности системы и в соответствии с существующими «местными» нормами и правилами.

Принцип (начало) корпоративности не только опосредствует заимствования, переводя их на язык местной культуры и социума; благодаря его влиянию возникает средостение, задающее определенную дистанцию между «своим» и «чужим». В ментальном плане этот зазор проявляется в виде изначального недоверия к чужому, в хронологическом – в виде запоздавающего, выборочно-случайного обращения к «чужому» новому, в семантическом – в виде принципиальной разности языков, в силу чего

институты, ключевые для успешного усвоения чужого опыта (например, разделение государственной власти на относительно самостоятельные ветви, права и свободы человека, неприкосновенность частной жизни и т.д.), либо не имеют аналогов в российской действительности, либо получают превращенное, во многом декоративное выражение. Существующая модель государства, оберегающего (как панцирь черепахи) корпоративную организацию общества, остается «священной коровой», задает красную линию для любых попыток модернизации, какие бы выгоды она ни сулила отдельным, даже самым влиятельным группам и населению в целом.

Поэтому попытки повысить эффективность и качество государственного управления посредством его цифровой трансформации не затрагивают принципиального устройства государства и направлены главным образом на сферу государственных услуг, оказываемых гражданам, организациям и бизнесу. В литературе отмечается, что применяемые при этом показатели (маркеры перемен) ограничены оценкой электронных сервисов и интенсивности электронного документооборота в ущерб остальным возможным направлениям цифровизации государственного управления (Добролюбова, Южаков, Старостина 2021: 9). В частности, не оценивается эффект от цифровизации управления для граждан, бизнеса и самого государства.

Представляется, что авторы подобных нововведений рассматривают их исключительно с технической стороны, не принимая во внимание социальных и экономических последствий или будучи органически неспособными к восприятию таких «мелочей», несущественных с точки зрения государства, предпочитающего вступать в отношения преимущественно с большими социальными группами и хозяйствующими субъектами. Это неизбежное проявление пониженной социальной чувствительности, характерной для государства подобного типа, ориентированного в своей деятельности на массу и на количество – показатели эффективности, принятые в индустриальном мире прошлого века, где на переднем плане находились машиноподобные системы, а не люди с их правами и свободами, индивидуальными стремлениями, выходящими за рамки корпоративных, предписанных целей. Вследствие такого подхода возрастают риски формального осуществления проекта, в том числе принятия и реализации решений, не соответствующих уровню, которого достигли страны – лидеры цифровизации (Добролюбова, Южаков, Старостина 2021: 10).

Отвлеченность проекта цифровой трансформации государственного управления от институционального и политического контекстов обуславливает достаточно высокую степень опасности его рутинизации, о чем мы говорили выше, ссылаясь на исторический опыт технологических «рывков» в прошлом. Анализ промежуточных результатов цифровой трансформации в этой области показывает несопоставимость тенденций и вытекающих отсюда задач, которые характерны для стран с высоким уровнем развития экономики и качеством государственного управления, с одной стороны, и России, с другой (Добролюбова 2021). Стоящие перед нашим обществом вызовы возникают в ситуации незавершенной модернизации индустриального типа, уже третьей по счету после первой, которая пришлась на конец

XIX – начало XX в., и второй – советской (1930–1960 гг.). Одной из причин этой незавершенности в обоих случаях было слабое развитие институтов демократии и тесно связанная с этим неэффективность государственного управления. Цена отказа от политики в области реформ государственного управления – его низкое качество. В эпоху цифровой трансформации это обстоятельство остается фактором, препятствующим экономическому росту (Добролюбова 2021: 26).

В новых обстоятельствах неэффективность государственного управления проявляется в виде чрезмерного и необоснованного вмешательства государства в экономические, социальные и иные процессы¹, низкого уровня защищенности человека (гражданских и политических прав и свобод, персональных данных и неприкосновенности личной жизни) (Южаков и др. 2021: 12-14), а также здравоохранения и образования (Добролюбова 2021: 23-26), значительного масштаба коррупции (136-е место в мире рядом с Анголой, Либерией и Мали согласно данным на 2022 г., позади Белоруссии, Казахстана и Украины), резкой дифференциации в доходах, заработной плате и др. Существует правило, согласно которому административно-бюрократическая модель государства и государственного управления в условиях перехода к информационному обществу систематически порождает политику, ведущую к воспроизводству и углублению социального неравенства, к росту социальной несправедливости. Она как таковая, в принципе, неадекватна условиям и требованиям современности. Государство остается в стороне от ведущих трендов в развитии миросистемы (Семененко, Лапкин, Пантин 2021; Телин 2021) и системным образом препятствует модернизации различных сфер общественной жизни.

Но советским остается не только государство. Советским остается и общество, которое, с одной стороны, высказывает недовольство реальным положением дел в экономике, культуре, образовании, здравоохранении, уровнем и качеством жизни, но, с другой стороны, как и в былые времена, «в общем и целом» склонно доверять правительству и поддерживать политический режим, считая виновниками многочисленных проблем современную «номенклатуру» либо негативное воздействие внешних факторов. Между государством и обществом сложился и сохраняется определенный консенсус. Его основу составляет негласное соглашение об отказе от серьезных политических и экономических реформ, которые в радикальной форме «штурма по-большевистски» проводились в 1990-е гг. И пока это соглашение остается в силе, сохраняется ситуация институциональной ловушки, в которой уже два десятилетия находятся социум и государство.

¹ Добролюбова Е.И. 2021. Качество государственного управления сквозь призму международных рейтингов и оценок российских экспертов // Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. 28.09.2021. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/4735-v-akademii-obsudili-prioritetnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 13.10.2022).

Заключение

Исторически задача трансформации советского встала в повестку дня с середины 1950-х гг. Именно тогда был сделан вывод: природные, человеческие и культурные ресурсы воспроизводства советского в его прежнем виде исчерпаны. Но принципиальный вопрос заключался в том, способно ли советское изменить свою конструкцию, чтобы приспособиться к принципиально новым условиям и требованиям, которые несет с собой приближение нового мира, как бы его ни называли в последние полвека – общество научно-технического прогресса, информационное общество, индустриальное общество второго поколения или как-то еще. История сделала на рубеже тысячелетий рывок, и не только в области технологий. Меняются политические режимы, государственное устройство, экономика, социальные структуры и многое другое в жизни общества. Но главная область, которую затронули перемены, – культура и человек. Расширение человеческой свободы, перешагивающей оставшиеся от прошлого и еще недавно казавшиеся нерушимыми границы и барьеры – национально-государственные, социальные, религиозные, этнические, языковые, ценностные, захватывает людей независимо от места их проживания, от того, к какому из миров, к каким цивилизациям и странам они принадлежат. Это событие планетарного, глобального масштаба, втягивающее в русло перемен весь человеческий род, поскольку свобода – врожденное свойство человека, естественное право любого индивида, которое основывается на том, что он человек.

Данное обстоятельство создает перспективу, вне которой не имеет смысла рассматривать историческую судьбу советского и, что намного важнее, место России в новом мире. Ключом, открывающим вход в этот мир, являются не технологии, какой бы важной ни была (ни казалась) их роль. Сами по себе попытки создания нового технологического уклада, предпринимаемые в отрыве от соответствующих изменений в культуре, политике, социальной структуре, не дадут желаемых результатов. Для новых технологий необходимо другое социальное устройство, гибкое, саморегулирующееся, заключающее в себе высокий потенциал самоорганизации и самоуправления. Нужны новые модели доступа социальных акторов к ресурсам и ключевому из них – к власти, и, соответственно, новые формы и возможности массового участия. Нужно другое качество культуры, образования, здравоохранения, социальной среды – всего того, что формирует человеческий капитал как решающий фактор развития общества в глобализованном мире (Мау 2012: 115) и составляет социальный фундамент реализации прав и свобод человека. Корпоративные принципы социальной организации и архаизированные институты экстрактивного типа должны уступить место другим, более эффективным в экономическом, социальном и административно-управленческом отношении.

Все это предполагает децентрацию власти, децентрализацию государственного и местного управления, укрепление институтов демократии в жизни местных сообществ. Эти и другие процессы меняют структуру

социального пространства, что не просто открывает возможности, но порождает необходимость перехода к новым технологиям в области экономики, политики, социальных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа. 256 с.

Александров В.Б. 2020. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. № 2. С. 16-21. DOI 10.22394/1726-1139-2020-2-16-21

Бессонова О.Э. 2006. Раздаточная экономика России. Москва : Российская политическая энциклопедия. 144 с.

Гордон А.В. 2009. Культура партийности и опыт советского историознания // Россия и современный мир. № 3. С. 160-180.

Добролюбова Е.И. 2021. Оценка качества государственного управления в России и других крупных экономиках мира // Государственная служба. Т. 23, № 1. С. 19-27. DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-19-27

Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Старостина А.Н. 2021. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 234 с.

Заславская Т.И. 2004. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Москва : Дело. 397 с.

Кара-Мурза А.А. 1995. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. Москва : Институт философии РАН. 211 с.

Кордонский С. 2010. Россия. Поместная федерация. Москва : Европа. 312 с.

Мау В.А. 2012. Человеческий капитал: вызов для России // Вопросы экономики. № 7. С. 114-132. DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132

Ортега-и-Гассет Х. 1997. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Весь мир. С. 43-163.

Полтерович В.М. 2007. Элементы теории реформ. Москва : Экономика. 447 с.

Северцов А.Н. 1967. Главные направления эволюционного процесса. Москва : МГУ. 201 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. (ред.) 2021. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. Москва : Весь мир. 384 с.

Скоробогатая Н.А., Скоробогатый В.В. 2020. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 33-74. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202

Скоробогатый В.В. 2014. Безвременье и время философии. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 270 с.

Скоробогатый В.В. 2021. Советское: генезис, расцвет, пути трансформации в посткоммунистическую эпоху. Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Санкт-Петербург : Алетейя. 474 с.

Стародубровская И.В. 2019. Драма модернизационной теории. Статья 2. После кризиса: развилки и тупики современной модернизационной теории // Общественные науки и современность. № 2. С. 170-181. DOI 10.31857/S086904990004342-8

Телин К.О. 2021. Вместо мифа: «момент истины» для государства // Полис. Политические исследования. № 5. С. 184-191. DOI 10.17976/jpps/2021.05.13

Шваб К., Дэвис Н. 2018. Технологии Четвертой промышленной революции. Москва : Эксмо. 320 с.

Южаков В.Н. 2011. Организация процесса развития: онтология и методология управления развитием. Москва : Издательский дом В. Ема. 216 с.

Южаков В.Н. и др. 2021. Деятельность государства по защите охраняемых законом ценностей в период пандемии: оценка граждан / В.Н. Южаков, Е.И. Добролюбова, А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 7-30.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва : Новое литературное обозрение. 664 с.

References

Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Moscow, Evropa, 2011, 256 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.B. The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government, *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management Consulting], 2020, no. 2, pp. 16-21. (In Russ.). DOI 10.22394/1726-1139-2020-2-16-21

Bessonova O.E. *Distribution economy of Russia*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006, 144 p. (In Russ.).

Dobrolyubova E.I. Assessing the Quality of Public Administration in Russia and Other Large Economies of the World, *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2021, vol. 23, no. 1, pp.19-27. (In Russ.). DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-19-27

Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Starostina A.N. *Digital Transformation of Public Administration: Efficiency-Effectiveness Assessment*, Moscow, Izdatel'skiy dom "Delo", 2021, 234 p. (In Russ.).

Gordon A.V. Party Culture and Soviet Experience in Study of History, *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2009, no. 3, pp. 160-180. (In Russ.).

Kara-Murza A.A. "New Barbarism" as a Problem of Russian Civilization, Moscow, Institut filosofii RAN, 1995, 211 p. (In Russ.).

Kordonskiy S. *Russia. Estates Federation*, Moscow, Evropa, 2010, 312 p. (In Russ.).

Mau V.A. Human Capital: Challenges for Russia, *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2012, no. 7, pp. 114-132. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132

Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses, J. Ortega y Gasset *Izbrannyye Trudy* [Selected works], Moscow, Ves' mir, 1997, pp. 43-163. (In Russ.).

Polterovich V.M. *Elements of the Theory of Reform*, Moscow, Ekonomika, 2007, 447 p. (In Russ.).

Schwab K., Devis N. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Moscow, Eksmo, 2018, 320 p. (In Russ.).

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (eds.) *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*, Moscow, Ves' mir, 2021, 384 p. (In Russ.).

Severtsov A.N. *The Main Directions of the Evolutionary Process*, Moscow, MGU, 1967, 201 p. (In Russ.).

Skorobogatetskaya N.A., Skorobogatskiy V.V. The Soviet: Historical and Cultural Contexts of the Phenomenon, *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 33-74. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202

Skorobogatskiy V.V. *The Soviet: Genesis, Flourishing, Ways of Transformation in the Post-Communist Era*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Saint Petersburg, Aleteyya, 2021, 474 p. (In Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Timelessness and the Time of Philosophy*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, 270 p. (In Russ.).

Starodubrovskaya I.V. Drama of Modernization Theory. Article 2. After Crisis: Forks and Deadlocks of Modernization Theory Today, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Studies and Modernity], 2019, no. 2, pp. 170-181. (In Russ.). DOI 10.31857/S086904990004342-8

Telin K.O. Replacing the Myth: “Moment of Truth” for the State, *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2021, no. 5, pp. 184-191. (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.13

Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2014, 664 p. (In Russ.).

Yuzhakov V.N. *Organization of the Development Process: Ontology and Methodology of Development Management*, Moscow, Izdatel'skiy dom V. Ema, 2011, 216 p. (In Russ.).

Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Government Performance in Protecting Public Values during Pandemic: Citizen Evaluation, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of State and Municipal Administration], 2021, no. 3, pp. 7-30. (In Russ.).

Zaslavskaya T.I. *Russian Society Today: Social Mechanisms of Transformation*. Moscow, Delo, 2004, 397 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия;
SPIN-код: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management – Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russia;
SPIN-code: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru